

В. В. ПУГАЧЕВ,
доктор исторических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ А. С. ПУШКИНА ДО ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

В творчестве Пушкина отразилось передовое мировоззрение эпохи, политические установки передовых течений той поры,

До 1825 г. авангардом русского общественного движения были декабристы, а их крупнейшим поэтом — Пушкин. Не будучи членом тайного общества, даже не зная точно о существовании нелегальной организации, Пушкин предельно точно отразил в своем творчестве эволюцию политических взглядов декабристов. Это неоспоримо доказано советской наукой. Особенно много сделал для выявления идейных и организационных связей декабристов и Пушкина Ю. Г. Оксман, установивший, что важнейшие политические стихотворения поэта были написаны по заданию декабристов.

Воздействие декабристов на Пушкина началось рано. Уже в 1817 г. под влиянием одного из крупнейших идеологов декабризма Н. И. Тургенева, пишется знаменитая ода «Вольность». А затем Союз Благоденствия, позднейшие декабристские организации оказали могучее воздействие на творчество Пушкина.

Биография Пушкина как политического поэта начинается с конца 1817 — начала 1818 гг., с «Вольности». Как установил Ю. Г. Оксман, в знаменитой пушкинской оде, воспевавшей свободу, пропагандировались политические установки Союза Благоденствия.

Именно с либеральных позиций раннего этапа истории Союза Благоденствия Пушкин полемизировал как с

историческим условиям не могло быть в 1817 г. Круг, в котором вращался Пушкин, говорил о конституции лишь в 1818—1819 гг., когда Александр I дал конституцию Польше, и русское общество ждало того же для себя. В оде говорится об А. Шенье, имени которого Пушкин не знал (да и не мог знать) в 1817 г., потому что стихотворения Шенье вышли в свет лишь в 1819 г. В августе 1819 г. кн. П. А. Вяземский и А. И. Тургенев переписывались об оде как о новинке. Ф. Ф. Вигель говорит, что она написана через три года после выхода Пушкина из лицея («Записки» Вигеля. М., 1893, VI, стр. 10), курс которого Пушкин окончил в 1817 г. Н. М. Карамзин сообщил И. И. Дмитриеву об этих стихах только 19 апреля 1820 г. («Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб, 1866). Ошибка г. Якушкина слишком ясна, чтобы еще больше доказывать ее⁴. Лернер не раз возвращался к отставанию 1819 года. Сокращенно приведенная выше аргументация была изложена в другой рецензии Лернера на академическое издание — в «Журнале Министерства народного просвещения» (1906, № 1/1, стр. 204). В 1910 г. в «Трудах и днях Пушкина» Лернер вновь датировал «Вольность» 1819 г. (СПб, 1910, стр. 46).

Приверженцем 1819 г. остался и П. О. Морозов. В 1907 г., в собрании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова Морозов датировал «Вольность» 1819 г. В примечаниях к оде он дополнил аргументацию Лернера еще одним соображением. «самый тон этой оды, весь ее склад совершенно не подходят к тону и складу лицейских или близких к лицейской поре стихотворений нашего поэта» (т. I, СПб, 1907, стр. 510—512). Отнесение самим Пушкиным «Вольности» к 1817 г. Морозов объяснял желанием поэта ослабить внимание властей к стихотворению: «По-видимому, Пушкин и в 1819 г., как впоследствии в 1825, хотел смягчить резкое впечатление своей оды, представив ее произведением «детским», написанным уже давно» (там же, стр. 512).

Аргументация Лернера и Морозова отнюдь не была бесспорной. В 1914 г. это убедительно показал И. И. Бикерман в заметке «К датировке оды «Вольность» (в сб.: Пушкин и его современники. Выпуск XIX—XX; П., 1914, стр. 55—62). «...за 1817 год,— писал И. И. Бикерман,— два пушкинских указания: дата автографа и следующее место в т. н. «Воображаемом разговоре с Александром I»:

⁴ «Былое», 1906, № 6, стр. 306.

«Я читал вашу оду Свобода! Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно, вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту оду [— В. В., я писал ее в 1817 году]». Автор решительно опровергал все доводы Лернера и Морозова в пользу 1819 г. Подчеркивалась неубедительность главного аргумента — истолкования переписки А. И. Тургенева с П. А. Вяземским. Она, по мнению Бикермана, отнюдь, не подтверждает версию Лернера — Морозова. Наоборот. Письмо П. А. Вяземскому от 5 августа 1919 г. свидетельствует, что с «одой на свободу» Вяземский познакомился раньше: «А. И. Тургенев переходит к «оде на свободу» совершенно спокойно, без предупреждения, как к предмету, известному Вяземскому наравне с двумя болезнями Пушкина «не русского имени»; князь Вяземский даже обвинял уже Пушкина за эту оду, она, следственно, ему хорошо знакома, и, кажется, это было давно, ибо Тургенев случайно, в связи с предшествующими мыслями о Царском Селе в отсутствие Государя, упомянул о ней. **Во всяком случае до 5-го августа 1819 г. князь П. А. Вяземский уже читал какую-то Пушкинскую «Оду на Свободу» и даже пенял за нее Пушкину.** А «пушкинские «стихи на С», о коих говорится в письмах 22 октября и 1 ноября, — **другое стихотворение, чем «ода на свободу», о коей А. И. Тургенев писал 5-го августа князю П. А. Вяземскому**

Это явствует из следующего: 1) князь Вяземский не желал бы с такой опасностью получить список стихотворения, ему уже известного; 2) об «оде на свободу» Тургенев говорит без всякого страха, а «стансы на С» боится даже назвать полным именем (стансы на свободу). Понятно, что о вещи, которой он так боялся, он не стал бы столь легко упоминать и еще в связи с именем Государя, как это было сделано в письме 5-го авг.».

Мемуары Вигеля тоже не ведут к 1819 г.: «Ф. Ф. Вигель не указывает точно даты написания оды, но говорит, что «ничего другого в либеральном духе Пушкин не писал еще тогда» (Записки, изд. «Русск. Арх.», VI, 10) — это более подходит на 1817 г., чем на 1819—1820 гг.».

Неубедительным признавалось и истолкование карамзинского письма: «Ссылка на Карамзина... основана на недоразумении. Вот дословно, что говорит Карамзин: «служа под знаменами либералистов, он (Пушкин) написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий». Здесь

нет и намека, что «Вольность» относится к 1819 или 1820 гг. Говорится лишь, что полиция узнала об оде в 1820 г. Но та же полиция узнала о «Гавриилиаде» только через 6 лет после написания, когда она успела дойти до штабс-капитана Митькова».

«Очень спорным» признавался и довод, что «по настроению она не подходит к пьесам лицейского периода». Возражая Лернеру—Морозову, Бикерман писал: «Пушкин сам дал своей оде справедливое определение: «прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно». Именно такая сбивчивость, малообдуманность должна была быть в политических идеалах Пушкина 1817 года», когда поэт придерживался умеренных политических взглядов. «...Так что и по настроениям «Вольность» ближе к 1815 г., чем к 1820 г. и вероятнее может относиться к 1817 г., чем к 1819 г.».

Что касается истолкования «возвышенного галла» как А. Шенье, то оно не является бесспорным. Бикерман решительно отстаивал 1817 год. За него помимо даты автографа имеется еще одно указание: ода сопровождается известным посвящением княгине Е. И. Голицыной: «Простой воспитанник природы», посвящением, «если не страстным, то довольно воодушевленным». Пушкин же был очарован княгиней только в первые месяцы вступления своего в свет, и уже 3 декабря 1818 г. А. И. Тургенев писал, что Пушкин не влюблен в нее.

Итак, дата автографа и косвенное свидетельство указывают, что дошедшая до нас ода «Вольность» написана в 1817 г., и предположения об описке или намеренном искажении даты поэтому не только надуманы, но и досадно излишни и нецелесообразны».

Аргументация Бикермана звучала весьма убедительно. К сожалению, он выдвинул маловероятное предположение о написании Пушкиным двух песен на свободу. Резонно полагая, что в письме Вяземскому от 5 августа 1819 г. и в письмах от 22 октября и 1 ноября говорится о разных стихотворениях (5 августа — об «оде на свободу», а 22 октября — о «стансах на С»). Бикерман, сталкиваясь (как и Лернер—Морозов) «стансы на С.», как «Стансы на свободу», писал: «Итак, из переписки князя П. А. Вяземского и А. И. Тургенева нам известно о двух гимнах Пушкина Свободе. Возможно ли, чтобы один из них не дошел до нас? На этот вопрос надо дать утвердительный ответ».

Такое произвольное предположение ослабляло убедительность

тельность статьи. И все же 1817 г. побеждал. Особенно после того, как в 1936 г. А. Н. Шибунин опубликовал принципиально важную дневниковую запись С. И. Тургенева от 19 ноября/1 декабря 1817 г.: «Мне опять пишут о Пушкине как о развешивающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакиваний самого себя, пусть первая его песня будет: Свободе»⁵. Как отклик на это пожелание Пушкин и написал «Вольность».

В советских изданиях сочинений Пушкина «Вольность» датируется обычно 1817 г. М. А. Цявловский в шести изданиях Госиздата и в двух изданиях «Academia» (девятитомном 1935—1938 гг. и шеститомном 1936—1938 гг.) собрания сочинений Пушкина относил «Вольность» к 1817 г. Тем же годом датируется ода Б. В. Томашевским в первом варианте однотомного собрания сочинений Пушкина (ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева) — в шести изданиях, во втором (юбилейном) варианте — в двух изданиях.

К 1817 г. «Вольность» отнесена А. Л. Слонимским в «Стихотворениях Пушкина» (т. I, Л., 1940. «Библиотека поэта». Большая серия), Б. С. Мейлажом в «Стихотворениях Пушкина» (т. I, Л., 1940. «Библиотека поэта». Малая серия). Д. Д. Благой в «Избранной лирике Пушкина» (М., 1935) датировал «1817 или 1819 г».

К 1817 году «Вольность» отнесена и в академическом издании (во II томе шестнадцатитомного издания, М., 1949; в I т. десятитомного издания). 1817 сохранен и в собрании сочинений Пушкина в десяти томах (ГИХЛ, М., 1959, т. I) под общей редакцией Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана (комментарии к I тому — Т. Г. Цявловской). Под 1817 г. ода напечатана и в собрании сочинений Пушкина в шести томах библиотеки «Огонька» (т. I, Издательство «Правда», М., 1969. Ред. Д. Д. Благой).

За 1817 г. пушкинисты высказывались и в своих исследованиях (Б. В. Томашевский. «Вольность» Пушкина — в «Литературе в школе», 1947, № 1; Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Биография. М., 1937; Л. П. Гроссман. Пушкин. М., 1939. «Жизнь замечательных людей». То же в изд. 1958—1960 гг.).

⁵ Декабрист Н. И. Тургенев Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР М.-Л., 1936, стр. 59, Пушкин Временник Пушкинской Комиссии I, М.-Л., 1936, стр. 337

Наиболее полно датировку 1817 г. аргументировал М. А. Цявловский в статье «Хронология оды «Вольность»⁶.

Выступая против аргументации Лернера—Морозова, Цявловский отмечал убедительность доводов Бикермана в пользу 1817 г. и существенно дополнял их.

Цявловский показал полную несостоятельность утверждения Лернера, будто в 1817 г. Пушкин не сталкивался с конституционными настроениями. Напротив, конституционные идеи, порожденные политикой Александра I, были популярны именно в 1817 г. А в декабре 1818 г. эти упования «уже расценивались Пушкиным в его ноэле как «сказки». Конституционные иллюзии к этому времени были явно изжиты. «Вольность» же знаменует другой, предшествующий этап развития политической мысли» (стр. 75). В материалах к статье Цявловского сохранилась очень интересная заметка: «Замечательный факт помещения стихотворения «Голышной при посылке ей оды «Вольность» в «тетрадь Всеволожского» говорит о том, что ко времени составления тетради (ноябрь 1819 г.) Пушкин весьма легко относился к сочинению оды. Это подтверждается записями Анненкова. Вигель прав, утверждая, что на первых порах она не имела более или менее широкого распространения» (стр. 75, примечание 21).

Обращаясь к «главнейшему аргументу Лернера и Морозова в пользу датировки 1819 г.—переписке Вяземского с Тургеневым», отмечая, что «Бикерман не довел до конца разоблачения полной несостоятельности этого аргумента», Цявловский доказывал, что в письме А. И. Тургенева от 5 августа 1819 г. «Ода на свободу» упоминается как хорошо известное стихотворение. Что касается «стансов на С», упоминавшихся в письмах от 22 октября и 1 ноября, то это не «стансы на Свободу», а «стансы на Стурдзу». 3—6 октября 1819 г., посылая через А. И. Тургенева В. Л. Пушкину два своих стихотворения, П. А. Вяземский просил: «Сделай милость, скажи племяннику, чтобы он дал мне какого-то своего «Монаха» и «Вкруг я Стурдзы хожу» и все, что есть нового» («Остафьевский архив» кн. Вяземских, т. I, стр. 323). Тургенев ответил 22 октября: «Пушкин переписал для себя стансы на с, но я боюсь и за него, и за тебя посылать их к тебе» («Остафьевский архив» кн. Вяземских, I, стр. 335). Пушкин

⁶ В сб. Статьи о Пушкине М, изд. АН СССР, 1962, стр. 66—81. Статья была написана в 1939—1940 гг.

явно переписал «стансы на Стурдзу», а не «стансы на Свободу».

По мнению Цявловского, «ни один из аргументов, приводившихся в свое время Лернером и Морозовым против Пушкинской датировки, нельзя признать основательным» (стр. 78).

В пользу 1817 г. Цявловский приводил несколько новых аргументов.

И. И. Пущин вспоминал, что в разговоре с Пушкиным «во время его болезни и продолжительного выздоровления» он доказывал поэту, что тот и без всякого тайного общества «действует как нельзя лучше для благой цели» вольнолюбивыми стихотворениями. В том числе «Вольностью». Значит Пущин знал ее уже в феврале 1818 г. (стр. 78).

Намек на «Вольность» Цявловский видел в письме А. М. Горчакова к Пещуровым от 9 февраля 1918 г.: «Пушкин не пишет более красивых стихов, но ценные стихотворения. Это выражение Тургенева» (французск.). По мнению Цявловского, «в этом определении оды как «ценного стихотворения», принадлежащем Николаю Ивановичу Тургеневу (речь идет, очевидно, о нем, а не об Александре Ивановиче), мы имеем в свою очередь тоже «ценное» одобрение с его стороны исполненного задания, которому Тургенев придавал большое политическое значение» (стр. 78—79). Основываясь на дневниковой записи С. И. Тургенева 19 ноября/1 декабря 1817 г., на письме А. И. Тургенева Жуковскому от 12 ноября 1817 г. («Посылаю послание ко мне Пушкина — Сверчка, которого я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, 18 столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его»), Цявловский полагал, что ода написана не раньше конца ноября — начала декабря (старого стиля) 1817 г. Что касается стихов к Голицыной:

Так я, бывало воспевал
Мечту прекрасную свободы —

они не могли быть написаны в декабре 1817 г. «Вероятнее предположить, что эти стихи написаны в январе или даже в феврале 1818 г. и что этим уточнением в дате Пушкин пренебрег, обозначив своей датой лишь время написания самой оды» (ст. 81).

В 1956 г. в монографии о Пушкине Б. В. Томашевский дал развернутую аргументацию за 1817 г., за ноябрь—декабрь 1817 г.⁷

И все же вопрос о времени создания оды остается спорным. Крупнейший пушкинист и декабристовец Ю. Г. Оксман датирует оду 1819 г. Впервые он выдвинул это положение в 1954 г. Отмечая, что П. А. Вяземский в «Негодованиях» воскликнул (имея в виду свое стихотворение «Петербург»): «Свобода! Пылким вдохновеньем, я первый русским песнопеньем тебя приветствовать дерзал», исследователь делает вывод: «Это автопризнание одного из друзей и единомышленников молодого Пушкина не могло бы, конечно, иметь места, если бы «Вольность» Пушкина написана была не в 1819, а в 1817 г.» («Лит. наследство», т. 59, М., 1954, кн. 1, стр. 84). В 1955 г. на Всесоюзной Пушкинской конференции в докладе о политической лирике Пушкина Ю. Г. Оксман дал развернутую аргументацию в пользу 1819 г. Но наиболее полно он изложил свою точку зрения в докладе о «Вольности» в Государственном музее Пушкина в Москве 7 января 1964 г. Суть его аргументации за отнесение стихотворения к 1819 г. сводится к следующему.

1. «Вольность» отражала политические, программные и тактические установки Союза Благоденствия. А в конце 1817 г. тайного общества не было. Союз Спасения был распущен. Союз Благоденствия образовался лишь к лету 1818 г. Как же мог Пушкин отражать установки тайной организации?

Поэт не обладает мистической силой, его идеи берутся из окружающего мира. В конце 1810—начале 1820-х гг. не Пушкин влиял на декабристов, а декабристы на Пушкина.

Как же выходят из положения сторонники 1817 года? Или обходят этот вопрос, или говорят о влиянии Союза Спасения, Союза Благоденствия или даже того и другого вместе. Но Союз Спасения уже не существовал, Союз Благоденствия еще не возник. К тому же в Союзе Спасения программные вопросы занимали мало места. Пропагандой эта заговорщическая организация не занималась. Но в таком случае «Вольность» как агитационно-пропагандистский документ повисает в воздухе.

2. Исключением является аргументация В. В. Пугачева (в статье: Пушкинская ода «Вольность» и предыстория «Сою-

⁷ Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813—1924). М.-Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 144—150.

за *Благоденствия*» в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962). Как историк, он понимает, что без тайной организации Пушкин не мог пропагандировать декабристские идеи. Поэтому он выдвигает гипотезу о влиянии Н. И. Тургенева, братьев Тургеневых. Ю. Г. Оксман не согласился с этим. Пушкин был национальный поэт. Он не мог быть рупором Тургенева или Тургеневых. Пушкин создал подлинно **пропагандистский** документ. Для пафоса создания таких произведений нужна была уверенность, что это нужно для **тайного общества**, а не для одного лица. Конечно, Н. И. Тургенев был крупнее, чем 20 рядовых членов Союза *Благоденствия*. Но после того, как культ личности был скомпрометирован при Наполеоне, ориентироваться на отдельную личность, хотя бы и крупную, было невозможно. Даже Пестель считал невозможным ориентироваться на личность (именно поэтому он не сделал того, что должен был сделать). Все декабристы опасались повторения Бонапарта в русском издании. Говорят о письме С. И. Тургенева Н. И. Тургеневу с предложением Пушкину написать «Вольность». Правда, письмо нам неизвестно. Но говорят, что дневниковая запись 19 ноября/1 декабря 1817 г. должна была вылиться и в письмо. Но только сумасшедший мог говорить об этом в письме, проходившем 6 цензур (оно послано из-за границы).

3. В пушкинской «Вольности» предельно четко и точно отразились установки «Союза *Благоденствия*». При образовании это общество делало ставку на легальные формы борьбы. Они были поставлены под сомнения после убийства Зандом Коцебу, что вызвало разгул реакции и в Европе и в России. «Вольность» написана в пору веры в эффективность легальных форм борьбы.

4. «Вольность» была написана в январе—феврале 1819 г. Она связана со стремлением Н. И. Тургенева широко использовать легальные формы борьбы, в частности с попыткой Тургенева создать журнальное общество. Оно не было организовано из-за разгула реакции, начавшейся после убийства Зандом Коцебу. Легальные методы борьбы стали невозможными. Журнальное общество стало бессмысленным из-за цензурных препятствий, полицейской слежки. Но пока легальные формы борьбы казались возможными, «Вольность» соответствовала установкам Союза *Благоденствия*.

5. «Возвышенный галл» — не Шенье. Но и не Лебрен, как предполагал Б. В. Томашевский. Лебрен был отвратитель-

ным типом ренегата и не мог быть назван «возвышенным галлом».

6. Свербеев (в полной публикации, а не в журнале) говорит о 1819 г. А Свербеев—точный мемуарист. У него нет вымышленных слухов, домыслов.

7. Вопрос о датировке должен решаться, прежде всего, историко-ведчески—на основании палеографических данных. Автограф Пушкина, на котором он поставил «1817» и принятый Томашевским за упоминаемый в письме Н. И. Тургенева Бартеневу,—на самом деле позднейшая авторская копия.

В этом автографе отсутствует последняя строфа:

И днесь учитесь, о цари
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой

Строфа дописана на полях А. И. Тургеневым—его почерк. Б. В. Томашевский умолчал об этом, ввел в заблуждение читателя (как и в изложении воспоминаний Свербеева).

Почему нет последней строфы?

Союз Благоденствия, Пушкин перестали верить Александру I. И Пушкин снял эту строфу. Следовательно, это позднейшая редакция. Новая редакция.

Подлинный первоначальный автограф—другой. В мае 1867 г. Н. И. Тургенев писал П. И. Бартеневу: «У меня никаких писем Пушкина не было и нет. Есть стихи, его рукою написанные, например, его ода «Вольность», которую он в половине сочинил в моей комнате, ночью докончил и на другой день принес ко мне написанную на большом листе» («Звенья», т. IV, изд «Academia», 1936, стр. 149).

Этот автограф сохранился в архиве братьев Тургеневых. Написанный на большом белом листе, он начинается с 7 строфы. Его принес Пушкин на другой день Тургеневу. Он и есть первоначальный автограф.

На бумаге водяной знак «1818. Фабрика Мещаниновых». Такая бумага не могла оказаться у Пушкина раньше декабря 1818 г.

8. В «Вольности» — полемика с Радищевым. В «Арзамасе» Радищев не был ни популярен, ни известен. Следовательно, «Вольность» написана после 1818 г.

9. Чтобы создать «Вольность», Пушкин должен был через Катенина, Державина, Крылова придти к гражданской поэзии. В 1817 г. «Вольность» не могла появиться. Пушкин переживал в то время творческий кризис, для его поэзии характерны элегичность, отсутствие политической тематики. «Вольность» была бы непонятным исключением. Достаточно сопоставить с «Вольностью» строки из послания А. И. Тургеневу (1817) «Поэма никогда не стоит улыбки сладострастных уст», чтобы убедиться в невозможности создания оды в 1817 г. Недаром Катенин, знакомясь с Пушкиным, на вопрос, знает ли он его стихи, ответил: «Как же. «Мечты, мечты. Где ваша сладость?». Конечно, Катенин хотел огоршить Пушкина (дерзкого молодого поэта, по его мнению, о котором уже многие говорили). И все же, если бы Катенин знал о «Вольности», он не ответил бы так. Наконец, Пушкин был выслан за «Вольность» весной 1820 г.

Такова концепция Ю. Г. Оксмана, по своему значению далеко выходящая за рамки хронологического определения оды. Она многое раскрывает в сложном соотношении идеологии движения декабристов и творчества Пушкина. Мы согласны с ней во всем, кроме хронологии.

Думается, что «Вольность» была написана в конце 1817 г.—начале 1818 года.

Неубедительность доводов Лернера—Морозова в пользу 1819 г. не вызывает сомнений. Но и аргументы Ю. Г. Оксмана—очень весомые и интересные—не представляются бесспорными. Остановимся на них.

Прежде всего, о первоначальном автографе «Вольности». Принципиально важным и новым является источниковедческий анализ двух автографов «Вольности», сохранившихся в архиве братьев Тургеневых. Столь тщательное палеографическое обследование автографов оды проведено Ю. Г. Оксманом впервые. Предшествующие авторы обращались к ним мимоходом. Никто из прежних пушкинистов даже не пытался специально исследовать автографы «Вольности», сравнить их, выяснить происхождение того и другого автографа. А это порождало легенды. Так, широко распространилось мнение, будто автограф с собственноручной пометкой Пушкина «1817» и есть тот самый (первоначальный) текст «Вольности», о котором упоминает Н. И. Тургенев в письме к П. И. Бартеву. По-видимому, этой точки зрения придерживался В. Е. Якушкин. Б. В. Томашевский категорически утверждал: «Автограф из архива Н. Тургенева, конечно, и есть эта рукопись» (Б. То-

машевский. Пушкин. Книга первая, стр. 148). Как справедливо заметил Ю. Г. Оксман, пушкинисты были загипнотизированы автографом 1817 г. Думается, что он абсолютно прав, отрицая тождественность автографа 1817 г. с упоминаемым Н. И. Тургеневым.

Н. И. Тургенев рассказывал о первоначальном тексте «Вольности». Автограф же с датой «1817» — копия. Пушкин явно переписал, а не написал ее. Переписал для кн. Голицыной, написав заново лишь послание «Кн. Голицыной. Посылая ей оду «Вольность»». Недаром в рукописи нет исправлений — Пушкин повторял уже написанный ранее текст. Автограф с пометкой «1817» — не первоначальный. В этом Ю. Г. Оксман прав. Но игнорировать собственноручно Пушкиным написанную дату «1817» нет оснований (тем более, что на бумаге водяной знак «АО 1817»).

Верно ли сам Пушкин датировал «Вольность»? (и посылая оду Голицыной, и при объяснении с Милорадовичем, и в «Воображаемом разговоре» поэт называет 1817 г.). Некоторые крупные пушкинисты сомневались и сомневаются в этом. Так, П. О. Морозов писал, что Пушкин «хотел смягчить резкое впечатление своей оды, представив ее произведением «детским», написанным уже давно». Отсюда и дата «1817» (Пушкин. Сочинения, под редакцией С. А. Венгерова, т. 1, СПб, 1907, стр. 512).

Очень интересные соображения высказывает Ю. Г. Оксман. По его мнению, Пушкин в 1820 г. у Милорадовича сознательно датировал «Вольность» 1817 г., чтобы представить ее очень давнишним, детским стихотворением и тем самым смягчить свою «вину». А затем, в «Воображаемом разговоре», чтобы не нарушать традиции, опять датировал оду 1817 г. Этим же объясняется и датировка автографа, написанного на самом деле гораздо позже. Мы не можем с этим согласиться. В 1820 г. у Милорадовича не было необходимости представлять «Вольность» стихотворением, написанным очень давно. Скорее наоборот. Оду выгодно было представить написанной совсем недавно. Серьезного наказания за нее не могло быть. Думается, что М. А. Цявловский справедливо полагал, что Пушкина выслали не за «Вольность», а за эпиграммы на Аракчеева. Думается, что и у Милорадовича и в «Воображаемом разговоре» Пушкин назвал верную дату — 1817 г.

Что касается автографа с посвящением кн. Голицыной, то Пушкин никак уж не мог исказить дату. Голицына знала ее, и было бы более чем странно дарить «Вольность» с искаженной

датой. Да и вряд ли здесь вообще могли играть роль соображения осторожности. Ведь если бы Пушкин опасался чего-либо, он вообще не подарил бы «Вольности». Ведь если придерживать мнения, что треза разразилась из-за «Вольности», то придется признать, что содержание ее опасно. Дата—второстепенный момент.

Далее. Когда мог быть написан и вручен кн. Голицыной текст «Вольности»? Думается, что до объяснения с Милорадовичем (а скорее всего в 1818 г., когда Пушкин был увлечен Голицыной). После этого переписывать и дарить «Вольность» было бы слишком неосторожно даже для Пушкина. Но зачем же до вызова к Милорадовичу было менять дату?

Представляется, что дата автографа — 1817 — верная. И, хотя это не первоначальный автограф, дату он позволяет определить и служит серьезным аргументом за 1817 г.

Думается, что не говорит в пользу 1819 г. и другой автограф, написанный на бумаге с водяным знаком «Ф. Мещанинова, 1818».

Даже если это и первоначальный автограф, то и в этом случае он не является бесспорным доказательством создания оды во второй половине 1818—1819 гг. Бумага с водяным знаком «1818» могла поступить в продажу (и оказаться у Пушкина) не в декабре 1818 г., а в январе—феврале 1818. И даже в декабре 1817 г. Бумага выпускалась без опоздания. Коммерсанту было выгодно как можно раньше выпустить свежую бумагу на продажу. Автограф мог быть написан и в начале 1818 г. (январь—февраль), и в декабре 1817 г.

Но является ли автограф первоначальным? Некоторые признаки этого есть. Рукопись — явный черновик с исправлениями. И все же нет достаточных оснований, чтобы признать именно этот автограф первоначальным. Правда, Ю. Г. Оксман видит в наличии второй половины «Вольности», написанной на большом белом листе, подтверждение описания рукописи, данной в письме Н. И. Тургенева П. И. Бартеневу в 1867 г.

Но помнил ли Тургенев в 1867 г., через 50 лет после «Вольности», все признаки рукописи? Если помнил, почему же он сообщил только об одном автографе? Ведь в архиве братьев Тургеневых хранилось два автографа «Вольности».

Но допустим, что Н. И. Тургенев точно описал рукопись. Все же нет уверенности, что это описание совпадает с пуш-

кинским автографом, начинающимся с 7 строфы⁸. Тургенев писал: «на другой день принес ко мне». Но принес не обязательно вторую половину. Может быть, принес всю оду.

Внизу первого листа рукописи примечание Пушкина к «злодейской порфире»: «—Наполеонова Порфира. Замечание В. Л. П. моего дяди (родного)». Следовательно, рукопись обсуждалась. Возможно, что перед нами один из ранних собственноручных пушкинских списков «Вольности». Но не обязательно первоначальный автограф. Возможно, что это переписано уже в то время, когда «Вольность» стала распространяться (а распространялась она не сразу после написания).

Думается, что источниковедческий анализ автографов не опровергает 1817 г.

Положение Ю. Г. Оксмана, что Пушкин писал по заданию декабристских организаций пропагандистские произведения (такие, как «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву»), — бесспорное. Но как он получал эти задания? О тайном обществе Пушкин точно не знал. Более или менее определенные сведения он получил от И. И. Пущина только в Михайловском: «Незаметно коснулись опять подозрений на счет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и воскликнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою — по многим моим глупостям»⁹.

В петербургский период о тайном обществе Пушкин знал еще меньше. Он лишь **подозревал** о его существовании. Одним из лидеров организации он считал Н. И. Тургенева. Поэтому существовало тайное общество в конце 1817 г. — начале 1818 г. или не существовало — в данном случае не имеет значения. Пушкин считал, что оно существует и видел в Н. Тургеневе лидера тайной организации. Советы Н. И. Тур-

⁸ Об этом автографе «Вольности» см. книгу: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.-Л., изд. АН СССР, 1937, № 33. Список оды «Вольность», законченный рукой Пушкина. 1819, стр. 15—16. Воспроизведено: А. С. Пушкин. Изд. журнала «Русский библиофил», 1911, между стр. 10—11.

⁹ И. Пущин. Записки о Пушкине. Статья и редакция С. Я. Штрайха. Гослитиздат, 1931, стр. 89.

генева он воспринимал как советы тайного общества. Так было в конце 1817 г. — начале 1818 г., так было и в 1819 г. И. И. Пущин вспоминает про одно из подготовительных заседаний журнального общества: «Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочим, были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов... кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкин. «Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле»,—шепнул он мне... Кончилось чтение... Мы закурили и сели в уголок. «Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе?...»

Мне и на этот раз легко было без большого труда доказать ему, что это совсем не собрание общества, им отыскиваемого¹⁰.

Естественно, что мнения Н. И. Тургенева для Пушкина были равносильны мнениям тайной организации.

Что касается письма С. И. Тургенева Н. И. Тургеневу, то оно весьма вероятно. Не поделиться своей мыслью со старшим братом, постоянно видевшимся с Пушкиным, С. И. Тургенев не мог. Посылать письмо можно было не по почте. Но и по почте не страшно. Отвлеченный разговор о свободе в 1817 г. не был преступлением.

Радищева Пушкин знал и раньше — об этом свидетельствует «Бова».

Что касается гражданской поэзии, она для Пушкина характерна и в более ранний период («Наполеон на Эльбе», «Воспоминания в Царском Селе», «Александр», «Лицинию»). Общение с Катениным лишь усилило это направление пушкинского творчества.

Что касается несовместимости «Вольности» и послания А. И. Тургеневу, то ведь «Кинжал» написан почти одновременно с «Христос воскрес, моя Ревекка!»

Что касается «кризиса» пушкинского творчества, то, во-первых, о нем можно говорить лишь в том случае, если «Вольность» создана в 1819 г. В противном случае кризиса нет. Во-вторых, «Вольность» написана не раньше декабря 1817 г. А летом могло быть и другое направление поэзии.

Думается, что и воспоминания Д. Н. Свербеева не опро-

¹⁰ И. Пущин. Записки о Пушкине. Статья и редакция С. Я. Штрайха. Гослитиздат, 1934, стр. 73.

вергают датирования оды декабрем 1817—началом 1818 г Мемуарист рассказывает. «Несколько времени спустя дошла и до меня только что написанная Пушкиным и ходившая по рукам ода его под названием «Вольность» Считая себя мастером декламировать стихи и желая похвастаться моим чтением перед моими сослуживцами, я перед выходом всех из канцелярии удержал на полчаса любителей российского стихотворства и торжественно прочел им это новое произведение отчаянно либеральной тогда музыки Пушкина Долго помнил я наизусть всю эту оду Пушкин, как утверждают, написал эти стихи вскоре по получении известия о смерти виртембергской королевы Екатерины Павловны» (записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1826) Том 1, М, 1899, стр 247)

Итак, Свербеев рассказывает о своем чтении сослуживцам «Вольности» и передает слухи о времени ее написания Именно слухи («как утверждают»). Если эти слухи верны, то «Вольность» написана в 1819 г. (сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна, ставшая королевой Виртембергской, умерла 28 декабря 1818 г) Но откуда и когда почерпнуты эти слухи? От круга Пушкина Свербеев был далек Никто из знакомых поэта не связывал «Вольность» со смертью Екатерины Павловны Слух этот был явно беспочвенным Правда, если бы Свербеев уже ко времени декламирования оды был знаком с этим слухом, то это значило бы, что он декламировал в 1819 г Но ведь слухи о создании «Вольности» могли дойти до него и много лет спустя (недаром пишет «как утверждают», а не как утверждали) А во время работы над воспоминаниями все это уже могло представляться одновременно Для мемуаров такие смещения событий не представляются удивительными

Когда же Свербеев декламировал «Вольность»? Точно он это не сообщает, его воспоминания приходится толковать

М А Цявловский называл (предположительно) апрель 1818 г (Летопись жизни и творчества А С Пушкина, 1 изд АН СССР, М, 1951, стр 153) Мнение это было оспорено М И Гимельсоном Отметив, что М А Цявловский пользовался лишь публикацией записок Свербеева в «Русском Архиве», М И Гимельсон пишет «Отметим, что в этой публикации дан неполный текст «Записок» Д Н Свербеева Если обратиться к отдельному изданию этих записок, то становится совершенно очевидным, что датировка 1818 г сразу же отпадает Екатерина Павловна скончалась 28 декабря 1818 года — таким образом, исходя из сообщенных Д Н Свербеевым

сведений, чтение им оды «Вольность» могло иметь место лишь в 1819 году. Эта датировка полностью согласуется и с жизненной канвой самого Д. Н. Свербеева. Как следует из его «Записок», лишь в марте 1818 года он получил распоряжение о переводе его из Москвы в Петербург. Конечно, сразу же после переезда Свербеев не мог читать оду «Вольность» своим сослуживцам: должно было пройти некоторое время, пока он свыкся с Петербургом, завязал знакомства в литературном мире, чтобы датировать запрещенные стихи Пушкина» (Из материалов к III изданию книги Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Изд. АН СССР, 1962, стр. 397).

Мы не можем полностью согласиться ни с М. А. Цявловским, ни с М. И. Гимельсоном.

Мнение М. А. Цявловского (правда, высказанное как осторожное предположение) никак не обосновывается. По-видимому, Цявловский исходил из того, что «Вольность» декламировалась вскоре по приезде Свербеева в Петербург. Думаем, что и М. И. Гимельсон неправ, отрицая возможность декламирования Свербеевым «Вольности» в 1818 г. Смерть Екатерины Павловны, как уже говорилось выше, к декламированию отношения не имеет. Свербеев мог узнать об этом слухе позже, забыв в «Записках» дату смерти виртембергской королевы. Что касается «жизненной канвы» Свербеева, то она говорит в пользу 1818 г. Из контекста видно, что Свербеев читал «Вольность» вскоре по приезде в Петербург, т. е. в 1818 году, скорее всего, в первой половине. Чтобы достать запрещенные стихи Пушкина, много времени не требовалось, и литературные знакомства для этого были вовсе не обязательны.

Итак, о времени создания «Вольности» у Свербеева нет надежных данных. А декламировал он ее скорее всего в апреле—июне 1818 г. Чтобы получить список оды, требовалось известное время, тем более, что Свербеев только что приехал в Петербург. Следовательно, «Вольность» написана на несколько месяцев раньше.

Итак, «Записки» Свербеева не опровергают, а подтверждают датирование «Вольности» декабрем 1817—началом 1818 г.

Не опровергают 1817—начало 1818 г. и воспоминания П. А. Катенина, при первом разговоре с Пушкиным, назвавшим как лучшее стихотворение «Пробуждение», а не «Вольность»: «Помнится, с самого начала спросил он. «Каковым мне кажется его стихотворение?» Я, по неизлечимой болезни говорить правду, сказал, что легкое дарование приметно во всех, но

хорошим почитаю только одно, и то коротенькое: «Мечты, мечты! Где Ваша сладость?» По счастью выбор мой сошелся с убеждением самого автора; он вполне согласился со мной, прибавя, что все прочие предаст вечному забвению, и, кажется, сдержал слово» (Лит. наследство, т. 16/18, М., 1934, стр. 635). Разговор этот происходил в 1818 г., после июня (Там же, стр. 644, примечание Ю. Г. Оксмана).

Речь шла только об **опубликованных** произведениях. И это было не случайно. Думается, что Ю. Г. Оксман был абсолютно прав, когда писал в 1934 г.: «Совершенно понятно, что и подпольные стихотворные агитки Пушкина этой поры и его легальные оппозиционные вещи (ода «Вольность», «Деревня», «Ответ на вызов написать стихи в честь императрицы Елизаветы Алексеевны» и многое другое) своим умеренно-либеральным прекраснодушием резко не соответствовали ожиданию и интересам недавнего главы революционного «Военного общества».

Поэтому Пушкин и «упорно» воздерживался от ознакомления с ними Катенина. Стихи эти, конечно, были «писаны» не про него» (Вступительная статья воспоминаний П. А. Катенина о Пушкине. Лит. наследство, т. 16/18, стр. 626). Не случайно, что в воспоминаниях о Пушкине Катенин, вообще, не упомянул «Вольность» (хотя во время писания мемуаров он, конечно, знал оду). К тому же в 1818 г. Катенин мог и не прочесть уже существующую «Вольность». Пушкин был еще мало известным поэтом, и стихи его пока быстро не распространялись. Распространяться они стали позже. Поэтому о «Вольности» и заговорили в 1819 г.

Что касается «Вольности» как причины высылки Пушкина, то этот аргумент мало убедителен. Полиция не всегда узнавала **сразу** о новых стихотворениях. Ведь если «Вольность» написана в январе—феврале 1819 г., то ведь тоже прошло больше года, раньше чем полиция узнала о стихотворении. Если полиция не знала год, она могла не знать и два года.

Далее. М. А. Цявловский убедительно, на наш взгляд, доказал, что на Пушкина ополчились не за «Вольность», а за эпиграмму на Аракчеева. «Вольность» же явилась лишь предлогом¹².

¹² М. А. Цявловский. «Политические эпиграммы» (В кн Статьи о Пушкине. М., изд. АН СССР. 1962, стр. 28—47).

В начале 1820 г., когда репрессии усиливались, «Вольность» могла оказаться достаточным предлогом, хотя содержание ее умеренное, либеральное. На Пушкина влиял Н. И. Тургенев.

Влияние Н. И. Тургенева, его взглядов проявилось в пушкинской оде и ее лозунгах, политических установках и в государственно-правовых воззрениях поэта. Как и тургеневская «программа», пушкинское стихотворение выдвигает проблему отношения к французской революции, истолкования ее уроков, бичует деспотизм, пропагандирует преимущества конституционного правления. Как и Тургенев, Пушкин борется «на два фронта». Он полемизирует с реакционными идеологами, защитниками абсолютизма (Н. М. Карамзиным, Бональдом, Галлером, Жозефом де-Местром) и в то же время оспаривает доктрину неограниченного суверенитета народа (Руссо, А. Н. Радищев). Лозунги «Вольности» заимствованы у Н. Тургенева и опираются на учение Монтескье, Б. Константа, мадам де Сталь.

Поэт начинает с напоминания о французской революции, ее символе — «Марсельезе», приводившей в трепет феодальную Европу:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?

Ю. Г. Оксман убедительно показал, что «не какую-то отвлеченную и никому неведомую «музу вольности», а **Марсельезу** имел в виду Пушкин, когда... вспомнил недавнюю «грозу царей, свободы гордую певицу». Имени ее бессмертного автора посвящена была и вся строка о «возвышенном галле»¹³. Оксман справедливо замечает, что имя автора Марсельезы было настолько известным, что не нуждалось в расшифровке — поэтому-то Пушкин и не назвал имени «возвышенного галла». Современники «Вольности» и без того понимали, что речь идет о Руже де Лилле. Об этом свидетельствует С. Д. Полторацкий — человек, близкий к Пушкину. Только к Марсельезе можно отнести такие эпитеты, как «гроза царей», «гимны смелые», «свободы гордая певица». Именно она устрашала монархов в пору лозунга «мир хижинам, война дворцам». И недаром в пушкинской оде встре-

¹³ Ю. Г. Оксман. «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева», стр. 184.

чаются фразеология и тональность «Марсельезы». «Тираны мира! трепещите!», «Восстаньте, падшие рабы!» «Функция мотивов Марсельезы в оде «Вольность» была примерно та же, что и звуков наполеоновского гимна в одной из строк VIII главы «Германии» Гейне», — пишет Ю. Г. Оксман¹⁴.

Напоминание о Марсельезе и ее авторе призвано было напомнить о французской революции и ее уроках. Гимн революции (а таким и была «Марсельеза») должен был явиться серьезным предостережением всем реакционерам — если они будут противиться прогрессу, реформам, неизбежна новая революция. Трудно согласиться с Б. В. Томашевским, полагавшим, что «Пушкин, написавший программную «Вольность», конечно, имел в виду тех поэтов, которые излагали в своих гимнах идеологию революции. Марсельеза же не является таким гимном. Это патриотический призыв к сопротивлению нападающему врагу»¹⁵. Мы не можем согласиться с мнением маститого ученого. Во-первых, строфы «Вольности», в которых говорится о «грозе царей», «возвышенном галле», отнюдь не носят программно-политического характера. Политическая программа излагается лишь с третьей строфы. Первые две напоминают о французской революции, и только. («Программны» же они в литературном плане — как прокламирование отказа от «изнеженной» лиры). Во-вторых, заимствовать политическую программу у поэтов не было необходимости. Пушкин использовал идеи Н. И. Тургенева, Б. Констана и других **политических мыслителей**. «Свободы гордая певица» понадобилась просто как **символ революции**. А таким была «Марсельеза» (как Интернационал явился символом Великого Октября). При помощи тональности и фразеологии «Марсельезы» Пушкин воссоздает эмоциональный колорит начального этапа французской революции:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Как показал Б. В. Томашевский, слово «восстаньте» употреблено в значении «встать, воспрянуть, воскреснуть»¹⁶. Фран-

¹⁴ Ю. Г. Оксман. «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева», стр. 184—185, 199—200. «Русские поэты 1810—20-х годов как бы повторяли слова Либрена или Шенья, или Марсельезы», — отмечал Г. А. Гуковский («Пушкин и русские романтики», Саратов, 1946, стр. 150—151).

¹⁵ Б. В. Томашевский. Пушкин, стр. 11.

¹⁶ Б. В. Томашевский. Пушкин, стр. 170—171.

цузская революция пробудила надежды на «воскресение» народов. Но упованиям этим не суждено было сбыться. Современный мир выглядит весьма печально:

Увы! куда не брошу взор—
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела—рабства грозный гений
И славы роковая страсть

Чтобы объяснить, как это случилось, поэт рисует ход французской революции. Причину ее Пушкин, как и Тургенев, усматривал в отсутствии «законов мощных сочетанья», королевском деспотизме, самовластье

И горе, горе племенам
Где дремлет он <закон> неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Б. В. Томашевский показал, что сентенция о Людовике XVI как «мученике ошибок славных» его предков перекликается с одним из тезисов «Опыта теории цалогов» Н. Тургенева: «Все в течение ста лет правительством накопленные бедствия обрушились, наконец, на невинной главе Людовика XVI»¹⁷. Впрочем, эта мысль была широко распространена (см. дневники А. И. Тургенева за 1802—1804 гг., стр. 198).

Показывая закономерность и неизбежность французской революции конца XVIII века, одобряя ее первый этап, Пушкин стремился показать, что нарушение законности в период революции, «властвование» над законом со стороны народа привело к новому деспотизму — наполеоновскому.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон—народ молчит,
Падет преступная секира...
И се—злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

¹⁷ Б. В. Томашевский, Пушкин, стр. 167.

Пушкин явно полемизировал при этом с «общественным договором» Руссо, провозгласившим принцип неограниченного суверенитета народа, и с радищевской «Вольностью», пропагандировавшей основные положения знаменитого трактата женевского философа. Вслед за Руссо Радищев отстаивал доктрину неограниченного суверенитета народа.

Для пользы всех мне можно все, — говорит народ в радищевской юде. Здесь явная перекличка с «общественным договором», провозглашавшим, что «верховная власть неограниченна» и не может преступить «лишь границ общих соглашений», т. е. сам «общественный договор». «Противоречит природе политического организма шложение верховной властью на себя закона, который она не может нарушить», — писал Руссо. В противовес этому Пушкин заявлял:

И горе, горе племенам...
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!

Любая власть — и монархическая и народная — должна быть ограничена законом, иначе неизбежен деспотизм. Осуждение казни Людовика XVI тоже было явной полемикой с Радищевым, прославлявшим в «Вольности» казнь Карла I.

Однако, хотя Пушкин и полемизировал с Руссо и Радищевым, основной удар он направлял по идеологам реакции, по теоретикам абсолютизма.

Владыки! вам венец и трон
Дает закон, а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

Разоблачению деспотизма посвящены самые сильные строки «Вольности»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

На наш взгляд, эти пламенные строки говорят о деспотизме вообще; об **обобщенном** образе деспотизма. Б. В. Томашевский доказал, что Пушкин вовсе не относил характеристику деспота к Александру I¹⁸. Мы полностью согласны с

¹⁸ Б. В. Томашевский. Пушкин, стр. 167—170.

этим. Но никак нельзя согласиться с мнением Б. В. Томашевского, будто речь идет о Наполеоне. Стоило ли в конце 1817 г. посвящать обличению Бонапарта, давно пребывавшего на Святой Елене, самые гневные строки оды? «Вольность» — пропагандистское стихотворение. Думается что к концу 1817 г. гораздо важнее было пропагандировать ненависть ко **всякому** деспотизму, чем к наполеоновскому. Между тем, если принять гипотезу Б. В. Томашевского, то окажется, что в пушкинской оде нет ни одной строфы, разоблачающей деспотизм как таковой вообще. Непонятным окажется и переход в следующей строфе к описанию последствий правления другого тирана — Павла I.

Гораздо правдоподобнее представить другое толкование. Исторический экскурс, посвященный французской революции и Наполеону, кончается словами «на галлах скованных лежит». В следующей строфе разоблачается, притом с исключительной обличительной силой, всякий деспотизм, обобщенный образ «самовластительного злодея». А затем на примере Павла I Пушкин показывает, что всякий деспотизм ведет к перевороту, к гибели самого тирана. Павел I для Пушкина такой же тиран, как Калигула и Наполеон. О его гибели он ничуть не жалеет. Но характерно, что не только тиран, но и его беспринципные убийцы вызывают отвращение поэта:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!...
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И деспотизм французских королей и произвол Павла I приводят к одному выводу:

Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Итак, выдвигается лозунг конституции, конституционной монархии. Ее преимущества так описывались Пушкиным:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;

Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленье свысока
Сражает праведным размахом,
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом

Под «свободой» Пушкин везде подразумевал в «Вольности» конституцию (так же, как Н. И. Тургенев). В этом отношении ода Пушкина принципиально отличается от всех его прежних произведений, в которых «свобода» понималась крайне расплывчато.

Итак, пушкинская «Вольность» поднимала те же проблемы, что и тургеневская «программа» в «Арзамасе». И решают эти вопросы и Тургенев и Пушкин одинаково. Поэт находился под явным влиянием будущего лидера Союза Благоденствия. А так как взгляды Н. И. Тургенева влияли на политическую программу и тактику Союза Благоденствия, то и пушкинская «Вольность» оказалась в числе произведений, пропагандировавших политические установки новой тайной организации декабристов. Именно с позиции Союза Благоденствия пушкинская «Вольность» полемизировала с рядом стихотворений Г. Р. Державина и с «Вольностью» Радищева.

Мы не можем согласиться с В. Вальденбергом, утверждавшим, будто «Все мысли о законе и законности, требования равенства перед законом и подчинения закону самой царской власти, которые мы находим у Пушкина, представляют почти сплошь повторение и развитие того, что гораздо раньше говорил Державин». На самом деле Державин говорил о соблюдении законов при абсолютизме («просвященном абсолютизме»), а Пушкин — о конституции, о конституционной монархии. Это можно проследить на тех же самых примерах, которые приводил Вальденберг. В стихотворении «Царевичу Хлору» читаем:

Нередко в ум тебе приходит,
Что царь—законов только страж,
Что лишь в действо их приводит
И ставит в том в пример себя
Что ты живешь лишь для народов,
А не народы для тебя,
И что не выше ты законов.

Совершенно очевидно, что, в отличие от Пушкина, Державин не ставил вопроса о конституции. Самое большее — речь идет об «истинной монархии» (монархии, основанной на законе — по Монтескье). Идея эта была широко распрост-

ранена в России в начале XIX века¹⁹. В оде «Властителям и судиям» проводилась та же мысль о монархии, основанной на законе.

Ваш долг есть: сохранять законы.

Те же идеи встречаем и в державинском стихотворении «Вельможа»:

Блажен народ, где царь главой,
Вельможи—здравы члены тела,
Прилежно долг все првят свой.

Прав был Б. В. Томашевский, отмечавший скрытую полемику Пушкина и с Радищевым, и с Державиным²⁰. Влияние Державина шло по поэтической, а не политической линии.

Как и тургеневская, «программа» 1817 г., пушкинская «Вольность» адресовалась передовому, «просвещенному» дворянству. Мы не можем согласиться с утверждением Б. В. Томашевского, будто Пушкин «обращался с обличением... подобно Радищеву, непосредственно к верховной власти»²¹. Вряд ли таким путем можно было «воспеть свободу миру». Воспевание свободы имело смысл лишь в том случае, если поэт адресовался к сочувствующей аудитории— а монархи к ней не принадлежали. Слова: «И днесь, учитесь; о цари», — скорее всего просто риторическо-дидактический оборот речи. Мнение Б. В. Томашевского, будто «Слова «Тираны мира! препещите!» «в русской обстановке могли быть понимаемы только как прямое обращение к самодержцу все-российскому», так же не кажется нам справедливым. В таком случае и оборот «А вы, мужайтесь и внемлите, Восстаньте, падшие рабы!» пришлось бы понимать как обращение к народу. Но против этого возражал и сам Б. В. Томашевский. Как говорилось выше, все эти строки означают не больше, чем воссоздание эмоционального колорита времен «Марсельезы». Ни одного прямого обращения к верховной власти в «Вольности» нет. Пушкин апеллировал к той же аудитории, что и Н. Тургенев — передовым кругам дворянской общественности. Отсюда и своеобразный «жанр» пушкинской оды.

Она явилась, как уже говорилось, **стихотворной прокламацией**, пропагандировавшей идеи тургеневской «программы».

¹⁹ См. об этом: А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957, стр. 53—55, 65—89, 100—104.

²⁰ Б. В. Томашевский. Пушкин, стр. 156.

²¹ Там же, стр. 155.

нитете народа. Неограниченный суверенитет нации отвергается поэтом. Превыше всего— закон. Пушкин явно использует многие положения Монтескье, в частности его утверждение: «Свобода есть право делать то, что дозволено законами»²⁶. С точки зрения Монтескье, недопустимо привлечение к суду верховной власти: «свобода исчезла бы с того момента, как исполнительная власть подверглась бы обвинению или была бы привлечена к суду». Подобным же образом Пушкин расценивает казнь Людовика XVI.

Помимо Монтескье, на идею «законности», пропагандировавшуюся Пушкиным, повлияло и политическое учение Бенжамена Констана, весьма популярное в декабристских кругах. Все это вносило коррективы в теорию «общественного договора» Руссо.

Такова политико-теоретическая доктрина «Вольности». Она аналогична взглядам Н. И. Тургенева и программе Союза Благоденствия.

²⁶ Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955, стр. 279.

**Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР**

**САРАТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. Д. И. КУРСКОГО**

У Ч Е Н Ы Е З А П И С К И

Выпуск 18

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

САРАТОВ — 1969